

ПОЕЗД НА ЮГ

Знакомо ли вам это особенное чувство перед отпуском? Оно похоже на ветер, который то и дело шемяще опаживает вас с каких-то невидимых солнечных садов. Вы испытываете его впервые в начале весны, когда местком начинает хлопотать о койках в Крыму, а машинистки снимают теплые вязаные жакеты и привозят по утрам на своих легких блузках солнце и распахнутые окна трамваев. О нем напоминает счетовод вашего отдела, уже выехавший на дачу: даже над его столом, над благоговейным сосредоточенным столом, и над толстой обузой мудреных бухгалтерских книг просвечивает луна Клязьмы и поздно шумят березы... бродяжъя ночь парка, диких уголков, свиданий. Вы носите в голове расписание поездов на юг, и стены - даже на Ильинке становятся простекляненными насквозь - и светит и мчится за ними, о как мчится свежая, степная ширь!

На юг меня тянуло и другое.

Было время, когда со степей звенела гибель, а за каждым взятым в бою полустанком чудилось то, чего никогда не бывало на земле. Вы помните, вероятно, по сводкам о трагическом случае с шестым Уральским полком у деревни Березневатка?

Это мне удалось тогда вовремя обнаружить предательство и, после суток боя, прорваться с истекающим кровью полком к родной дивизии, правда, потеряв половину людей, и в том числе единственного брата.

Как странно было увидеть опять эти места, которые пахли невозвратимой молодостью и смертью. За три года совсем забылся этот запах.

Помню, перед самым отъездом, в августовский вечер, я зашел в какое-то кино на Арбате. Все было как полагается, по фойе кружила взад и вперед глазающая публика, смычки терзались "Баядеркой", пианист, словно одержимый, скакал на своем стуле в такт с бесстыдным упоением - За гигантскими окнами, плотно завешенными доверху, крутился шум площади и подземно гудели трамваи, пронося за бульвар полнолудные, насквозь освещенные окна. Я вспомнил про отъезд, про юг, и, не знаю почему, отсюда показалось невероятным, что когда-то в самом деле существовала Березневатка, и дело шестого полка, и рассвет над дымящимся Перекопом, заглянуть в них было страшно, как в кощунственно разрытую могилу.

И поезда кощунственно мчались за счастьем над темными их полями...

Ведь и я, и я мог там лежать безыменно!

...Впрочем, все это могло быть только от переутомления.

В утро отъезда перрон кипел такой веселой давкой, небо было так радостно сине, что сразу забылось почти обо всем. Я знал только, что был свободен, я вытряхнул из мозга все эти папки с делами, справки, доклады, я дико плясал на ворохе этого осточертелого хлама.

Севастопольский уходил в два. Я сидел в купе и с бездельным любопытством ожидал своих соседей. Первыми пришли две девицы - видимо, из какого-то солидного секретариата; желтые чемоданчики, портпледы с вышитыми инициалами и, конечно, цветы на столике говорили о чистой, удобной, взлелеянной маменьками жизни. И дни стояли тут же перед вагоном - две распахиваемые корсетами, две мордастые мамыши старого мира, с огромными лакированными ридикюлями. Они лепетали:

- Пишите, пишите! Женечка, вечером холодает, обязательно вынь кофту! Сонечка, в Ялте не забудь к Софье Андреевне!

И Женечка, голорукая, исцелованная глазами ухаживателей, с прельщающей родинкой под темным глазом, избалованно-надломанно кричит:

- Скажите Владимиру Александровичу!.. Он обещал похлопотать... - И еще что-то про местком, в который надо сообщить, про Харьков, из которого непременно, непременно открыткой.

Вторая - сочная толстуха в шелковой юбке - о, из нее выйдет очень уютная городская и дачная мама, из тех, что с одышкой отчаяния и множеством кулечков всегда опаздывают, догоняя трамвай, - вторая только кивает пышно-белокурым ворохом головы и разнеженно улыбается, должно быть.

- Мама, не забудь кормить Туську, - впрочем, кричит и она.

И у обеих, словно пьяные, блестят глаза. О, вижу, какие комнаты за этими девицами - похожие на музей мебели, чехлов, полочек, безделушек, сохраняющих дыхание старой чиновной барственности, комнаты тысяча девятьсот десятого - четырнадцатого года, удачливо пронесенные через бурелом революции до наших отдыхающих безопасных дней. И после этих страшных лет - в первый раз, по-старому, в Крым, в Крым!

Пришел военный, с нашивками командира полка, парнюга лет тридцати, с бабим, облупленным